

УДК 821.61

*О.А. Скрипова***МОТИВ ПРИКАЗА КАК ПРИМЕТА СТИЛЯ В. МАЯКОВСКОГО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «ПРО ЭТО»)**

В статье прослеживается, как под влиянием большевистской идеологии, радикализма и политического экстремизма эпохи В.Маяковский переходит на язык приказов. Мотив приказа рассматривается как характерная примета стиля Маяковского советской эпохи, исследуются функции мотива приказа в сюжете лирической поэмы «Про это».

Ключевые слова: мотив приказа, стиль, лирическая поэма, лирический герой, форма коммуникации.

Эмоциональный напор, императивность, «прямая речь с живым прицелом» всегда были свойственны поэтической речи Маяковского, обращённой к широким массам, нацеленной на ораторское воздействие. Однако сам вектор этого напора, формы императива претерпевают существенные изменения в лирике поэта советской эпохи. По мнению Н.Л. Лейдермана, «то, что прежде было эстрадным вызовом «грубого гунна», стало теперь лозунгом к практической деятельности» [2. С.35].

Маяковский всецело поверил в идеи Октября и принял советскую власть, известно заявление, сделанное Маяковским от имени своей группы в ноябре 1917 г.: «Нужно приветствовать новую власть и войти с нею в контакт». Вместо трагического мироощущения доминирующим пафосом его поэзии становится оптимизм и героика. Осуществляемый большевиками лозунг диктатуры пролетариата, радикализм и политический экстремизм эпохи, левовская идея «социального заказа», перехода на язык газет и телеграмм, язык приказов, резолюций, митинговых возгласов – всё это оказало влияние на стиль поэта, способствовало переходу на язык приказа. Приказ толкуется как «распоряжение начальника, обязательное для исполнения» [3. С. 382]

В послеоктябрьской лирике Маяковского даже появляется жанр приказа. Имеется в виду его «Приказ №1 армии искусств», «Приказ № 2 армии искусств». Показательно само уподобление искусства армии, стремление сделать его орудием борьбы. Роль армии искусства в революции – сражаться наравне со всеми и вести народ за собой: «на улицы, футуристы, барабанщики и поэты».

Наиболее развёрнуто сопоставление стихов с войсками даётся во вступлении к поэме «Во весь голос»: «Парадом развернув моих страниц войска, я прохожу по строчечному фронту»[5. С. 428]. А в армии формой коммуникации, естественно, становятся приказы. Особенно актуальны приказы в военное время, а лирический герой Маяковского живёт с ощущением непрерывной войны или её угрозы, поскольку миф о внешних врагах активно насаждался большевиками в общественном сознании. Рисуя в поэме «Летающий пролетарий» войну 2125 года, Маяковский даже графически выделяет слово «Приказ», заключает его в раму: «Лётчик открыл горящий газ, вывел на небе раму. Вывел крупными буквами: ПРИКАЗ. МОБИЛИЗАЦИЯ»[5. С.304].

Нередко лирический герой Маяковского входит в роль «агитатора, горлана-главаря», имеющего право приказывать, поскольку он чувствует себя полномочным представителем победившего класса. Однако лирический герой Маяковского не только издаёт приказы, как ни парадоксально, он, бунтарь, жаждет подчиниться приказу. Приказ в свой адрес лирический герой, «революцией мобилизованный и призванный», воспринимает как доказательство собственной востребованности, нужности. Как отмечает Н.Л. Лейдерман, «наиболее значительное влияние на творческую эволюцию Маяковского оказала надежда на то, что по-большевистски решительно и круто осуществляя провозглашённые в 17-м году лозунги, участвуя в дружном созидании общества равных и свободных людей, можно будет преодолеть трагедию личности – трагедию вселенского одиночества, невостребованной энергии и неразделённой любви»[2. С. 36,37]

Интересно то, что мотив приказа подспудно организует лирическую поэму, поэму о любви, каковой является «Про это» (1923). Поэма «Про это» считается одним из самых загадочных произведений поэта, сложных для восприятия и анализа, исследователи нередко стараются обойти её стороной, останавливаясь лишь на дореволюционных поэмах Маяковского. Здесь сложно переплетено реальное и фантастическое, рациональное и иррациональное. Поэма, с одной стороны, возвращает к коллизиям и интонациям «Флейты-позвоночника» и «Человека», с другой стороны, коллизии усложняются тем,

что в условиях новой эпохи человеческая натура сталкивается с требованиями сверхчеловеческими, с программой революции духа.

Мотив приказа связан с рациональной струей в поэме. Он звучит уже в прологе «Про что – про это?»¹, где даётся заявка лирической темы, не названной прямо, но поданной ассоциативно. Цепочка ассоциаций выстраивается полемично: сначала тема названа «личной и мелкой, перепетой не раз и не пять» в соответствии с господствующими стереотипами эпохи, когда всё личное должно уступить место общественному, историческому. Это вполне согласуется с «Приказом № 2 армии искусств», где поэт с едкой иронией высказался насчёт любовной темы в искусстве и вообще каких-либо личных переживаний. Затем, наоборот, подчёркивается масштабность этой темы, всеобъемлемость и всевластие. Вообще мотив приказа тесно связан с темой власти, политической, духовной или символической. Отметим, что теперь не поэт даёт приказ армии искусств, а само искусство, лирическая тема приказывает поэту: «Эта тема придёт, калеку за локти подтолкнёт к бумаге, *прикажет*: – Скреби!»; «Эта тема придёт, *прикажет*: – Истина! – Эта тема придёт, велит: – Красота!». Марина Цветаева говорила о том, что «всё творчество Маяковского – балансировка между великим и прописным. Общее место, доведённое до величия» [7. С. 298]. Вроде бы традиционные для русской культуры понятия «истина», «красота», оформленные как приказ, начинают звучать масштабно, грандиозно. Приказ становится и главным аргументом в полемике Маяковского об искусстве, аргументом в пользу обращения к любовной теме.

Заметим, что сначала все глаголы употреблены в форме будущего времени, подчёркивается неизбежность ожидаемого приказа. Затем поэт слышит приказ, глагол прошедшего времени обозначает свершившееся событие: «Эта тема ко мне заявила гневная, *приказала*: – Подать дней удила! – Посмотрела, скривясь, в моё ежедневное и грозой раскидала людей и дела»; «Эта тема день истемнила, в темень колотись – *велела* – строчками лбов». Переворот, совершаемый этой темой, сродни революции, взрыву, поэтому сам приказ воспринимается в высшей степени позитивно. Несмотря на такой диктат темы, она «одна безраздельно стала близка».

Пролог – это преддверие лирического сюжета, поэтическая декларация. Поскольку в прологе так и нет прямого ответа на вынесенный в заголовок вопрос, расширенным поиском его становится вся поэма.

В завязке лирического сюжета доминирует иррациональная стихия страсти, образы ожога, землетрясения, взрыва. Отчаяние лирического героя порождает пространственные метаморфозы, материализованная метафора «море слёз» оборачивается сновидческим пространством реки, где происходит встреча лирического героя с двойником, «человеком из-за 7 лет»: «Я слышу мой, мой собственный голос, Мне лапы дырявит голоса нож». Это завязка событийного сюжета, который в лирической поэме становится проекцией сюжета психологического, динамики мыслей и чувств героя. И здесь вновь звучит мотив приказа, метания лирического героя направляются в рациональное русло. Просьба двойника: «Владимир! Остановись! Не покинь» сменяется приказным тоном и угрозами: «Не думай бежать. Это я вызвал. Найду. Загоню. Доконаю. Замучу!». «Человек из-за 7 лет» даёт лирическому герою задание, сопровождаемое проклятием:

Постановленье неси исполкомово.
Муку мою конфискуй,
отмени.
Пока
по этой
по Невской
по глуби
спаситель-любовь
не придёт ко мне,
скитайся ж и ты,
и тебя не полюбят,
Греби!
Тони меж домовых камней! [5. С.187].

¹ Отметим, что приказ звучит в прологе поэмы «Лирическое отступление» ещё одного поэта-лефовца Н.Асеева: «Читатель, стой! Здесь часового будка. Здесь штык и крик. И лозунг. И пароль».

чтоб всей
мировой
человечьей гущей [5. С. 205].

Заявлен настолько масштабный идеал, что задача становится практически недостижимой. Двойник берёт на себя миссию искупителя земной любви, а значит, его муки будут длиться до тех пор, пока на земле существует неразделённая любовь, неостребованное чувство, трагическое одиночество. Интересно, что собственное прошлое обладает такой властью над лирическим героем, голос из прошлого имеет право приказывать, тогда как настоящее не внушает доверия. Ни на минуту не прекращается борьба лирического героя с самим собой, о накале внутренней борьбы свидетельствуют образы сатирических и трагических двойников, которых обстоятельно анализирует в своей статье М.Пьяных [5]. Человек из-за 7 лет грозно вопрошает: «Ты, может быть, к ихней примазался касте? Целуешь? Ешь? Отпускаешь брюшко?». Самого лирического героя «тянет инстинктом семейная норка». А ведь в идеале, по Маяковскому, нужно «жить единым человечьим общежитьем».

Умозрительная теория любви вступает в конфликт с реальностью, не только с бытом, но и с жизнью, с иррациональностью страсти. Неразрешимость романтического конфликта приводит к трагической развязке: схватка поэта с дуэлянтами-обывателями, с персонифицированным бытом приводит к гибели, «последней смерти» героя. Но символической гибелью лирического героя поэма не заканчивается.

Эпилог поэмы «Прошение на имя» - мечта о грядущем воскресении – подытоживает лирический сюжет. Мы попадаем в пространство и время утопии (XXX век). Отметим, что сама форма прошения предполагает ответную резолюцию, приказ о воскрешении, подтверждающий реальность утопии. Образ «мастерской человечьих воскрешений» символизирует страстный порыв поэта в будущее, в котором возможно будет преодолеть трагические противоречия эпохи, обогнать «стаи сердце раздиравших мелочей», наверстать «нынче недолюбленное».

Мотив приказа звучит в переломные моменты действия, отмечает важные фазы сюжета лирической поэмы «Про это».

С одной стороны, повторяющийся в любовной поэме мотив приказа свидетельствует об определённой инерции стиля Маяковского. Его лирический герой прочно входит в роль горлана-главаря, глашатая масс, для которого органичен язык приказа, органична эта форма коммуникации, о чём бы ни шла речь.

С другой стороны, в мотивной структуре поэмы отразились противоречия в позиции поэта: утопия о рационалистическом устройстве общества, о всеобщей, вознесённой над бытом любви и живое, иррациональное, стихийное чувство, с душевными муками, драмой ревности. Многие исследователи говорят о том, что после 1917 г. Маяковский мечется между умозрительными доктринами и живым чувством.

Наконец, коллизия выполнения/невыполнения приказа играет значительную роль в литературе 1920-х гг. Вспомним баллады Тихонова, в которых утверждается верность приказу как высшая доблесть, как сила, способная преодолеть даже смерть («Песня об отпуском солдате»). А Пильняк, напротив, открывает роковую зависимость человека от партийного приказа: в «Повести непогашенной луны», как показывает Л.Анпилова, мотив приказа усиливает ощущение роковой обречённости командарма Гаврилова [1. С.96,97].

Очевидно, форма приказа, партийного, воинского, поэтического, в какой-то степени стала в 1920-е гг. коммуникативной формой времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анпилова Л.Н. Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 162 с.
2. Лейдерман Н.Л. Русская литературная классика XX века: Монографические очерки. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 308 с.
3. Лексические трудности русского языка: словарь-справочник. М.: Рус. яз., 1994. 586 с.
4. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1987. Т. 1. 768 с.
5. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1988. Т. 2. 768 с.

6. Пьяных М. Чтоб всей Вселенной шла любовь // В мире Маяковского: сб. ст. / сост. А. Михайлов, С. Лесневский. М.: Сов. писатель, 1984. Кн. 1. С. 260-278.
7. Цветаева М.И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 479 с.

Поступила в редакцию 12.08.11

O.A. Skripova

Command motif as a style feature of V. Mayakovsky of the Soviet period (by example of the poem “Pro eto”)

The article traces how the influence of Bolshevik ideology, radicalism and political extremism of that era makes V. Mayakovsky to use the language of commands. The command motif is considered as a characteristic feature of Mayakovsky's style of the Soviet period. The functions of the command motif in his lyric poem “About This” (“Pro eto”) are investigated.

Keywords: command motif, style, lyric poem, protagonist, form of communication.

Скрипова Ольга Александровна,
кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет»
620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: olga-skripova@mail.ru

Skripova O.A.,
candidate of philology, associate professor
Ural State Pedagogical University
620102, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov av., 26
E-mail: olga-skripova@mail.ru